

Аркадий Казанский

«Играю
словом...»

Стихи разных лет

Аркадий Казанский
«Играю словом...»
Стихи разных лет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9444449

ISBN 978-5-4474-0746-9

Аннотация

Стихи разных лет – о любви и жизни, о высоком и повседневном, о природе и городе, о встречах и расставаниях...

В сборник вошло так же несколько круговых акростихов, что будет интересно ценителям жанра.

Содержание

Пишу тебе стихи	8
Берёзка	10
«Бессвязным бредом бесконечности...»	12
Благословение	13
«Хочешь – свежее; хочешь – лучшее...»	15
Забытая деревня	16
«Сон липким языком мне веки лижет...»	18
«Я не увидел тебя – муза ушла от меня...»	19
Пироги с зайчиной	20
Акrostих	22
Пёс	23
«Как в театр абсурда...»	25
Портрет с Арбата	26
Возьми с собой меня	29
«Не искушай себя в борьбе...»	31
Две копейки	32
«Свои стихи пишу тебе одной...»	35
Движеньё	36
«Ты раскрыла вдруг дверь и вошла...»	37
Завет	38
Зверь	40
«И вязнет мысль, и голос будто скован...»	43
Зимняя охота	44

На земле я родился Тверской	46
«Не приеду к тебе на машине...»	49
Грибная охота (акrostих)	51
Другу	53
25 июля 2002 года	54
Memento Tane	56
Геленджик	57
В небытие уйду	58
Одиночество	60
Белобока	62
Ладони	63
«В твоём характере нет ни одной...»	64
Взгляни в глаза	65
«Когда сижу в своём любимом кресле...»	66
Вор	67
«С лёгким шелестом платье скользнуло...»	68
Пророк	69
«Скажи, о чём ты думаешь, когда...»	71
«Говоришь: – Другого я любила...»	72
«В то время как пишу я эти строки...»	74
Дельфины	75
Дельфинарий «Рыба ждёт»	76
«В квадрат прямым путем не обратить окружность...»	79
Лермонтовская	80
«Как срывающий с себя уздечки, шоры, путы,	82

КОНЬ...»	
Душа наизнанку	83
«Промелькнула черной кошкой...»	85
Заповедь мастера	86
«Я бросаюсь в волну, головою проткну...»	88
Шагни навстречу себе	89
Скорбь	91
Злой ветер	92
Играю	95
Из Роберта Бернса	98
Из Якова Хвыля (белорусский поэт)	99
К матери – Материк	101
«Крест своей жизни чтоб нести —...»	103
Недолюбив	104
«Твои губы раскрылись, и слово...»	106
Круг одиночества	107
«Стихов моих, что для тебя сложил...»	108
Кинозал	109
«Не хочешь видеть – не увидишь...»	111
Любовь к охоте	112
Ты мне дала свою любовь	114
Мелодия	115
Спальный вагон	116
Суббота	118
Ключ	119
«Мне некуда тебя позвать...»	120

Глаза – озёра	121
Мой милый брат	122
Глаза собачьи	124
Мы встретимся	126
Мы заново изобретём любовь	128
Сёстрам	130
Расставание	132
Манеж абстракционистов	134
На память о Йошкар—Оле!	136
Марии Аркадьевне в день шестнадцатилетия от Данте Алигьери!	137
Надежде на сон сонет (акrostих)	142
«Наконец мы одни на земле опустелой...»	143
Три окна	144
От нашей бабушки Али в день её 80-летия	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

«Играю словом...»
Стихи разных лет
Аркадий Казанский

© Аркадий Казанский, 2015

Редактор Ирина Казанская

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Пишу тебе стихи

Тебе стихи пишу сегодня снова.
Как солнце, спину жжёт бессонниц бич.
В руках души обласканное слово,
Кладу я в строчку, как в стену кирпич.

Мне старых зданий нравится конечность.
Здесь каждый шов – создание творца.
Своим трудом себя вводили в вечность
Великие строители дворца.

Как строчки, я могу читать камень,
В страницы складывать за рядом ряд.
Не нахожу я в них ни повторенья,
Ни стёртых афоризмов, ни цитат.

Учусь я мастерству у зодчих древних,
Их жизни, одоленью и борьбе,
Хочу, чтоб ты узнала откровенье
Всех слов моих, назначенных тебе.

Громадны классиков я разобью творенья,
На атомы их расщепляя слов,
Найду краеугольные каменья
В фундамент зданий из моих стихов.

Я возвожу громады светлых зданий,
За рядом ряд кладу, за домом дом.
А, если где-нибудь, цитату вставлю —
Её увидишь ты слепым пятном.

Туманных слов преодолею рифы,
Корявых слов не заблужусь в глуши.
Осколки слов не ставлю я для рифмы,
Чтоб не поранить мне твоей души.

И, только, в мастерстве дойдя до точки,
Стерев свои ладони до крови,
Шью стены белые я красной строчкой
Слов моего признания в любви.

Берёзка

Полюбил огонь берёзку стройную,
Обнимал, и жарко целовал,
И пучок в косу её зелёную
Ярких лент трепещущих вплетал.

Дождь убил любовника опасного —
Быстро пронеслась любви пора.
На коре след поцелуя страстного
Слёзы льёт, как капли серебра.

Уж давно на месте поцелуя
Белым шрамом выросла кора,
А берёзка, о любви тоскуя,
Лепестками шепчет вечерам:

Милый, милый, ну куда ушёл ты?
Не обнимешь, не согреешь грудь;
На земле следы твои все стёрты,
И в тени не ляжешь отдохнуть.

Вглядываюсь в даль — не видно в поле;
Ветерочек чуть доносит дым.
Выпей всю меня, сожги любовью,
Лишь бы не глядеть в твои следы!

«Бессвязным бредом бесконечности...»

Бессвязным бредом бесконечности,
Когда тобой я заболею,
Я расскажу тебе о вечности...
О жизни я всегда успею.

Благословение

Не обойти, не отвернуть —
Стоим к лицу лицо.
И вспять никак не развернуть
На пальчике кольцо.

И новой жизни не прожить,
Да глупо и мечтать.
Односторонний путь лежит
И не пропустит вспять.

Но, стряхивая жизни жуть —
Все мысли – ерунда.
Давай, благословим тот путь,
Которым шли сюда.

Куда по жизни мы идем,
Куда придём, Бог весть.
Но, если б шли другим путём,
Не встретились бы здесь.

Заря по небу оболонь
Сегодня – погляди —
Всепроникающий огонь
Исторг я из груди.

И, отражая блеск лучей,
Как Луны, Солнца вокруг,
Гирляндой праздничных огней
Всё засверкало вдруг.

Здесь, как у Спаса на крови,
Молитву сотворим.
И, чистый, ясный свет любви
Нам озаряет мир.

И, как мажорный лад струны,
Звенит огонь живой.
В любви нет тёмной стороны,
Ни даже – теневой.

И у меня, и у тебя
Огонь горит в крови.
Давай, благословим себя
Мгновением любви!

**«Хочешь – свежее;
хочешь – лучшее...»**

Хочешь – свежее; хочешь – лучшее.

Ты отказываться не спеши.

Светом лунным, солнечным лучиком

Озарю тебя от души.

Забытая деревня

Гон исчез вдали, ушёл со слуха.
Вдоволь наплутавшись по болотам,
Занесенный белоснежным пухом,
Вслушиваюсь в тишину охоты.

Нет, пора домой, сегодня хватит.
Вот тропинка, ей судьбу вверяю.
Тихо размыкает лес объятья;
На поле деревню вдруг встречаю.

Мать честная! Где я? Что со мною?
Здесь деревня? Та ли? Неужели?
Отзовётся сердце вдруг тоскою,
Заметелит белою метелью.

Милые воспоминанья детства
Наплывут, и схлынут тёплой тенью.
Здесь жила моя частица света,
Боль души, и тела откровенье.

Помню, в детстве, лазал по заборам,
Ноги в лужи окунал босые...
По дворам теперь – лишь ветер – вором —
Много деревень таких в России.

Крепко здесь поставил прадед избы,
Дед оставил яблочную осень.
Мой отец, как видно, только выбыл,
Я всё это безвозвратно бросил.

Кажется, крапива жарким летом,
Заметает всё зелёной вьюгой.
А зимой, не видно даже следа,
На семь километров по округе.

Ни в одном окне не видно света.
Холодны покинутые избы.
Доски на окне – а, здесь и нету —
Некому в них даже стёкла выбить.

Ни ребёнка, ни старухи древней —
Как во сне, объято всё покоем.
Голос мой над мёртвою деревней,
Отозвался жутким волчьим воем.

«Сон липким языком мне веки лижет...»

Сон липким языком мне веки лижет.
Бессонница сжигает, как в огне.
Я никогда тебя во сне не вижу —
Ты наяву являешься ко мне.

«Я не увидел тебя – муза ушла от меня...»

Я не увидел тебя – муза ушла от меня.

Я не услышал тебя – слово погибло во мне.

Ты не пришла, не зажгла в сердце поэта огня.

Ты не сказала: – Люблю, – умер поэт в тишине.

Пироги с зайчатиной

На осеннем небе – облако заплатами.
Напеки мне, мама, пирогов с зайчатиной!

Встану утром рано, выйду в чисто поле;
Эхом повторяет громкий крик раздолье:

Ого-го, собачки! Добирай живее!
Будьте в беге скоры, будьте в страсти злее.

Не спасут зайчишек, резвых, расторопных,
Хитрые проделки, путаные тропы.

Утро белит поле холодом предзимья;
Широки просторы родины любимой.

Лёд хрустит на луже, заморозком хваченной...
Напеки мне, мама, пирогов с зайчатиной.

Что скучать нам, мама, видишь, за деревней
Скачет лес в доспехах, будто войско древнее.

Пылью придорожной заклубились ивы,
У коней багряных ветер треплет гривы.

Крови зов почуяв, остры пики елей,
Медные кольчуги воины надели.

Бронзовые листья чешуёй стопёрой:
Скачет в бой последний войско Черномора.

Зелень по багрянцу благородной патиной...
Напеки мне, мама, пирогов с зайчатиной!

Акrostих

Вот и ещё год отлетел, век убывать пошёл.
Я знаю, новый человек нас заменить пришёл.
Что сможем, брат, сказать ему, что сможем передать:
Есть вера в лучшую судьбу, что нам вручила мать,
С ней рядом истина стоит, добытая трудом;
Любовь в сердцах у нас горит, тепло давая в дом.
А жизнь надежду нам даёт биением сердец —
Встречать достойно новый день, как завещал отец!

Пёс

Белый ковшик на зелёном чане...
В детство открываю двери я.
Лаем звонким у крыльца встречает
Верный пёс, ошейником звеня.

Вижу, ты соскучился по воле,
По весёлой страсти огневой.
Знаю, весело в широком поле
Тебе рыскать и гонять со мной.

До крови твои все сбиты ноги,
Но, не замечая эту боль,
Ты опять уносишь от дороги
В чашу леса страсть или любовь.

Ты сгорать умеешь в этой страсти,
Пусть потом от боли чуть бредёшь.
Научил бы ты меня, как власти
Чувства сердце всё ты отдаёшь.

Научи, как в пламени сгорая,
Недоступную мечту ловить.
Научи, как удержи не зная,
Жизнь и страсть любить, любить, любить!

«Как в театр абсурда...»

Как в театр абсурда,
Где не выключен свет,
Выйду в раннее утро —
Где тебя еще нет.

Портрет с Арбата

Я почувствовал себя староватым,
Умудренным и отесанным жистью,
В подземельном переходе к Арбату
Друг-художник написал меня кистью.

От него не ожидал такой страсти:
Он меня остановил в переходе
И размашистым мазком по-Арбатски
Высекал меня из твердой породы.

Я присел на низкий стульчик, сторбатаясь,
И смотрел, как он смешал свои краски.
Мягкий свет облил ступени с Арбата,
Тихий шум баюкал музыкой сказки.

Кисть взлетела резким взмахом крылатым,
Запорхала, будто бабочек крылья.
Люди справа уходили с Арбата,
Люди слева на Арбат торопились.

На палитру легли красок остатки
И, сливаясь, потекли на подрамник.
Друг-художник был Тверским, не Арбатским,
Но Арбат его манил утром ранним.

На картон мазки он клал торовато,
Кисти бросив, краску пальцами правил.
Переводится: Работать – Арбайтен.
Он Арбату свое сердце оставил.

Не спешил увидеть я результата,
Мне художник интересен был делом.
Он, закончив этот образ с Арбата,
Развернул ко мне, и я пригляделся.

Взгляд с портрета не вернется обратно,
Осуждает он меня и прощает.
Задержались пешеходы с Арбата
И со мною мой портрет изучают.

Прав ли он, а может я виноватый.
Не дано понять ему, мне тем боле,
Мой близнец на полотне от Арбата
Смотрит с болью на меня и с любовью.

Глазом трезво подмечая утраты,
На себя гляжу я молча с портрета,
Будто вижу я глазами Арбата
Все, что раньше не увидено где-то.

Расплатился с ним я, словно, как с братом,
Кошелек меж нами располовинив,
Будто сердцем побратался с Арбатом,

Унося палитру красок в картину.

Возьми с собой меня

Сказала мне: – Возьми с собой меня,
Хотя бы думай обо мне немножко.
Я, как в огне, сгораю без огня —
Всё так неумно, и неосторожно.

Не сможешь думать – вспомни иногда,
И приезжай ко мне на день рожденья.
А, в общем, помни: – Я люблю всегда.
Не оттолкни в последнее мгновенье.

А, как мне полюбить – сама меня
Ты от любви лечила страшной мукой.
Я не смогу забыть, как от огня,
Лицо твоё мрачнело злой разлукой,

Когда в ночи не стало нас двоих —
Осталась душ двоих разъединенность.
Звеня, ключи проплакали о них
Печальный туш, без нот определённых.

Но, не печалюсь я. Иной мотив
Наполнит сердце мне весёлой силой.
И, серость бытия раззолотив,
На злом огне, так ярко, и красиво,

Мне будет напевать он о весне,
Огне в крови, огне в глазах открытых.
Улыбкой призывать, как в ярком сне,
Дары любви, дары волхвов забытых.

Я взял тебя с собой. В такую даль
Ты без меня и тропки не нашла бы.
Со мной твоя любовь, твоя печаль
И губы твои вдруг нежны и слабы.

Я взял с собой и силу рук твоих,
И смелость взгляда, и открытость сердца.
Как будто вновь огонь в крови утих,
И ощущаю робкое блаженство.

Уходим мы в предутреннюю рань.
Узоры веток мне напоминают
Твоих волос серебряную скань,
Но седина их жарким утром тает.

Уставши ныть – и самый жалкий трус,
Решась, уходит в дальнюю дорогу.
И, может быть, я сам к тебе вернусь,
Как всё приходит к своему порогу.

«Не искушай себя в борьбе...»

Не искушай себя в борьбе
Понять меня совсем.
Ты знай, что все стихи – тебе,
Но о тебе – не все.

Две копейки

Любовь – две копейки. Плати – пожалуйста!
Монету автомат глотает, смакуя,
И, сколько влезет, хоть плачь, хоть жалуйся —
Кричи телефону: – люблю, люблю я!

Будка телефона кровавит плечи,
Связь надёжная рвётся, как нить.
За душой ни гроша. Звонить
Совершенно нечем...

Не узнаешь, что несу с собой.
Рву телефонную трубку с мясом.
Сам донесу свою любовь,
Часом позже, раньше часом.

Иду, шаркаю подошвами стёртыми,
Вздымаю ноги, мозолями натерты,
А двух копеек, хоть стой на паперти,
Не подадут, не веруют. Тёртые.

Из-за поворота, тупее скотин,
Трамвай красной меди. И хоть трясёт,
Две копейки брось – и кати.
Надёжно – прямо в любовь везёт.

Широкой улицей – чуть позови —
Зелёной медью – глаз такси.
Две копейки брось – погаси —
Удобно и быстро – прямо к любви.

Пешком иду улицей менял.
Есенина б сюда – он их раскусил:
Продаётся всё – лишь бы купил.
Меняется всё – только попроси.

Любовь – кусками. Капли – копейками.
Сколько нужно – приди, отпустим.
Немного тоски, чуточку грусти,
Любви с Луной, вздохами, скамейками.

Достаю капитал из своей груди.
Двери менял замками увешаны.
Щель замка – две копейки – входи.
Окна сияют медью двухкопеечной.

Режут сердца. Руки в крови.
Нет, не берём то, что навеки.
Не разменять мне по две копейки
Чистый самородок моей любви.

Ноги чугуном. Жутко и страшно.
Некуда прислониться.
Осторожно – окрашено,

На каждом заборе тетрадной страницей.

Лечь. Забыть день вчерашний.

Красная скамейка в аллее.

На скамейке белеет: —

Окрашено...

Ночь спускается. Фонари – медяками.

Словно только откованы.

Дома мигают дверными глазками,

Луна – двухкопеечником – новая.

Как грешник, молюсь на светлый лик.

Слипаются веки. Поздно.

В канаву лечь. Уснуть под звёздами,

Сияющими, как глаза твои.

«Свои стихи пишу тебе одной...»

Свои стихи пишу тебе одной,
И каждый день от счастья просыпаюсь,
Что в этом мире ты живешь со мной,
Загадочно и нежно улыбаясь.

Движенье

Движенье глаз навстречу человеку,
Движенье рук, движенье губ, сердец.

Я прихожу к тебе, как будто в реку
Ручей впадает россыпью колец.

Движенье глаз: – Ну, здравствуй, дорогая.
К тебе пришел я: – Ты меня ждала?

Движенье рук – тебя я обнимаю,
Давай присядем рядом у стола.

Движенье губ – и крепким поцелуем
В движение приводим в сердце кровь.

Движением сердец ознаменуем
Движением начатую любовь.

Пуškai я ухожу, но век от веку
Останется с тобою, наконец

Движенье глаз навстречу человеку,
Движенье рук, движенье губ, сердец.

«Ты раскрыла вдруг дверь и вошла...»

Ты раскрыла вдруг дверь и вошла.
Легкий ветер окно распахнул,
И взлетели, сплетясь, занавески.

Завет

Тень ёжится у ног
И тычется мне в пятки,
Как маленький щенок
Под брюхо своей матки.

Грех искупить большой,
Дать грешникам отсрочку,
Я снова в мир пришёл
От Девы Непорочной.

Придя вторично к вам,
Я, на исходе суток,
Являюсь рыбакам,
Ворам и проституткам.

Ждать на осле езду
Вам стыдно. В век прогресса,
Я в город ваш войду
На белом «Мерседесе».

И так же, не признав,
Распнут меня без правил.
Зачем, опять, меня,
Ты, мой Отец, оставил?

Безвинно пострадал.
Болит под сердцем рана.
Другие города
Мне прокричат: «Осанна»!

Но, как в блаженном сне,
Прекрасна и невинна,
Омоет ноги мне
Мария Магдалина.

Пусть мой приход в веках
Сотрёт людская память,
На ваших языках
Любовь я буду славить.

След на земле простыл,
Небо – моя обитель.
Вы говорите: «Был...»,
Я говорю: «Любите...»!

Зверь

Я жил в лесу, как дикий зверь,
Под шум дождя и ветра вой.
В людском жилье к порогу, в дверь,
Лежал, уткнувшись головой.

А люди приходили в лес.
Я вскакивал навстречу им;
С оглядкой полз наперерез,
Пугаясь голосам чужим.

Меня пытались приручить
И в клетке комнатной держать;
Ласкать, и глупостям учить,
И сладко пить, и сытно жрать.

Но дикий нрав держал меня
Вдали от сытного жилья.
Ночами вскакивал, дрожа,
Почувствовав, что в клетке я.

Но вдруг пришла меж них одна...
В тот мир, где жил я, затаясь,
С улыбкой вторгнулась она,
С каким – то странным блеском глаз.

Ей нравился мой дикий вид,
Блеск ярких глаз моих в ночи,
Когда луна, дрожа, блестит
В плесах озёр, в стволах осин.

Мы игры затевали с ней,
И пляски в солнечном огне
Любили мы среди полей.
И в клетку захотелось мне.

И я приполз к ней, весь дрожа.
Мой вид был жалок и смешон.
Я выл под дверью, чуть дыша,
Она меня прогнала вон.

Добрёл до первых я берёз,
Упал под сенью их ветвей.
Луна, свидетельница грёз,
Взошла над зеленью полей.

Поднявшись, выл я на луну,
И понял вдруг, что я ручной.
Я знал из всех людей одну,
Я диким буду ей одной.

Наутро вновь она пришла.
Я гордо вынес встречу с ней.
Она не знала, что была

Свидетель гибели моей.

Оскалив зубы, как всегда,
Рыча, я бросился за ней.
Но мир бы отдал я тогда
За ласку, за тепло речей.

— Люблю тебя, мой дикий зверь, —
Она воскликнула, смеясь.
С восторгом понял я теперь,
Как жалок был я, притворясь,

Я следовать за ней готов,
И на глаза не попадусь.
Но с первым звуком нежных слов,
Как тень пред нею я явлюсь.

«И вязнет мысль, и голос будто скован...»

И вязнет мысль, и голос будто скован.
Я все же до конца не расколдован.
Ты знаешь, как меня расколдовать —
Мне нужно всю, всю-всю тебя узнать.

Зимняя охота

Рассвет тенями заострил сугробы,
Позолотил жемчужной тканью воздух,
Прокрался в осторожные чащобы,
Тетеревов развесил на берёзах.

В окно: – «Пора» – стучит сосед охотник.
И, ружья за плечо, стволами вниз,
Идём мы с ним читать немые строки,
Лесным зверьём исписанных страниц.

Собаки рвутся. В бой идти готов
Храпит Индус, Пират хватает пастью.
Срывая петли заячьих следов,
Уходят вдаль, в стремительном полазе.

Недвижны сосен стройные колонны,
Недвижен воздух. Тихо и морозно.
На ветке ели, дочерна зелёной,
Повисло солнце шариком мимозы.

Лесная тишь взорвалась вдруг октавой
Собачьих голосов. Колоколами
Залились гончие, и эхо величаво
Закололо сосновыми стволами.

Вдали стихают гона погремушки,
Срываются на сметках, снова. Вдруг,
По просеке, среди кустов опушки,
Мелькает заяц, замыкая круг.

Ружьё к плечу. Стремительный дуплет.
Расколотый, смолк колокольчик гона.
По снегу кровь – багряных роз букет,
И тишина в ушах протяжным звоном.

Редает медленно короткий день.
Устали гончие. Охотники устали.
Перемахнув поваленный плетень,
Ушёл последний заяц. В воду канул...

Оттянутые плечи чуть горят,
Лицо обветрено морозной вьюгой.
Идём домой. В деревне говорят:
Ко мне сестра приехала с подругой.

Пусть. Будет чай вечерний, разговоры
И карты за обеденным столом.
Улыбки, анекдоты, смех и споры
Помолодят сегодня старый дом.

На земле я родился Тверской

Провожая на гибельный бой,
Прошептала отцу моя мать:
На земле мы родились Тверской —
И в земле Тверской нам лежать.
Помни, милый, единственный мой —
Это чёрное время пройдёт.
На земле ты родился Тверской
И тебя она любит и ждёт.

Возле Ржева в земле сырой
Оборону держали отцы.
И вставала земля стеной,
Зарывались в окопы бойцы.
С неба сыпался огненный шквал
И отца моего подкосил.
Грудью встретив осколок, упал,
Простонав: – мать – земля, спаси!

С белым шрамом под левым соском
Он дошёл до земли до чужой.
Под Тильзитом, пройдя марш броском,
Вновь снаряд встретил правой ногой.
В госпитальном вагоне, в бреду,
Обнажением нервов, больной,

Слышал, как батальоны идут
И ложатся в землице чужой.

И стонали в землице чужой
Души павших, взывая к живым:
Как нам быть без землицы родной,
Как вернуться к могилам родным?
Не окончится эта война,
Пока будем в землице чужой.
Привезите, родимые, нам
Хоть по горсти землицы родной.

Возвратившись с Победой домой,
Свои раны отец залечил.
На земле я родился Тверской
И с отцом всю её изучил.
Много лет, позабыв про покой,
Ярче делая жизнь для людей,
На земле я тружусь, на Тверской,
Создавая энергию в ней.

В День Победы, душой отдыхать,
На тенистый погост я иду.
Здесь лежат и отец мой, и мать
И в землице Тверской меня ждут.
Пролетит много вёсен и лет,
Но огнём невечерней зари,
Несказанный, немеркнувший свет
Над землёю Тверскою горит.

«Не приеду к тебе на машине...»

Не приеду к тебе на машине,
Не одену костюм дорогой.
Никогда я не был мещанином,
И, наверно, не стану ханжой.

Прихожу всегда полуголодный,
И оборванный, словно босяк.
Молодой, и с душою, свободной
От житейских больших передраг.

Прихожу среди жаркого лета,
По весне, или в зимней тиши,
У тебя оставляя столетья
Своей юной, бессмертной души.

Я любовь свою, капля за каплей,
Из груди своей медленно лью.
И, на строки её разбивая,
Свои песни тебе я пою.

И спасибо, за то, что не гонишь,
Что даёшь мне душой отдыхать,
Уходя от тебя ночью поздней
Я порой забываю сказать.

Грибная охота (акrostих)

Никогда не ходил в октябре за грибами...
И, какие там, к чёрту, грибы в октябре!
Костыльком самодельным листву разгребая,
Озираюсь кругом. Вся трава в серебре.
Голы ветви деревьев, с ледком на коре.
День субботний, а, значит, ждёт водка и баня!
А, как сяду за стол я, с подругой своей —
На закуску грибков очень хочется ей.

Еле движется воздух. Огнём обжигая,
Холодит, попадая на руки роса.
Осторожно кусты впереди раздвигая,
Добираюсь до места в заветных лесах,
И молю об одном: – не попасть бы впросак,
Ломанувшись вглубь леса, до самого края.
В этом ельнике частом, где лапы густы,
Осторожные рыжики прячут хвосты.

Каркнет ворон, морозную высь рассекая,
Торопливым крылом, чёрно-синим пером —
Я в удачу поверю, приметя такая —
Будет полной корзина, удачным залом;
Развернётся делянка осенним столом.
Едим, рыжим, густым молоком истекая,

Закружат хороводом в лесном колдовстве
Аккуратные шляпки в пожухлой траве.

Где такое увидишь, в каком сновиденьи?

Рдяно-красные кисти рябин и калин,

И, последние враз отгоняя сомненья,

Бархатистые шляпки на донце корзин.

А, на круглой полянке, над листьев кипеньем,

Мухомор, как тарелка прищельцев парит,

И дождём золотым паутина горит.

Другу

Что в имени тебе моём?
Оно мелькнёт, как звук пустой.
Так никогда и не поймём
Мы этой истины простой.

Что в звании тебе моём?
В ничтожном блеске мишуры,
Мы не узнаем, вечность в нём,
Или случайный плод игры?

Что в сущности тебе моей?
Раскроет что её сполна?
Рёв медных труб? Молва людей?
Или за гробом тишина?

Но, что во мне откроешь вдруг —
Твоим останется навек.
Увидишь: – спутник, или друг,
Или случайный человек...

25 июля 2002 года

Ещё не прерванным полётом
Тот голос хриплый пролетал.
Никто ещё не ведал, кто там
В Таганке сцену потрясал.

Страну трясли другие ритмы
И комсомольских строек дни,
Сибиряки, не сибариты,
В Назарове зажгли огни.

Страна росла, цвела, мужала
И отдавала дань земле.
Детей, что женщина рожала,
В огромном плавила котле.

И, как совковые лопаты,
«Хрущобы» шли, стена к стене,
Людские волны угловато
Перемывая по стране.

И самородки неподъёмно
В них оседали, в дело въев,
И пену крикунов горкомных,
У власти трущихся, презрев.

Машин вращеньем управляя,
Руководя потоком рек,
В стране, от края и до края,
Рождался новый человек.

Прошли года, и эти стройки,
И мощь поставленных машин,
Снесли разруху перестройки,
Приватизаций магазин,

Кровавый беспредел без края,
И веры в бога, душу, мать.
А нам с тобой, моя родная,
Страну с коленок поднимать.

Танюша, в день рожденья светлый,
Посеем ум, добро навек,
Плоды которых непременно
Пожнёт пусть новый человек.

Memento Tane

В мелькании цветотени на экране,
И в суете привычной рабских дней
Один в окошке свет: memento Tane
Любовь твоя путь освещает мне.

Ни подрывать основы мироздания,
Ни улетать за тридевять земель,
Не нужно мне – одно: memento Tane
Смысл бытия и моей жизни цель.

Но я достигну полноты желаний
И совершенным сделаю весь мир,
Пока моя звезда: memento Tane
Сияет в небе, новый Альтаир!

На полотне незримым очертаньем
В граните, бронзе, мраморе, мечте
Твой образ, о! Моя: memento Tane
Я вижу в неизбывной красоте!

Геленджик

В мое окно в Геленджике глядят
Листочками лепечущие липы,
Как будто во дворе печалью всхлипа
Твое окно от глаз моих хранят.

За них я не пытаюсь заглянуть.
Мне ясно, что тебя за ними нету.
И старая луна, дрожа от света,
Сейчас мне не пытается прилгнуть.

Я лунною дорожкой ухожу
За горизонт, что кажется мне близким.
Луны кружок, как бедра одалистки,
В своих руках я, обхватив, держу.

Я так хочу, чтоб в этой тишине
Вдруг дверь раскрылась и тебя впустила.
Мою печаль, как свечку, погасила
На золотом, распахнутом окне.

Мою любовь, как свечку, засветила,
На золотом, распахнутом окне.

В небытие уйду

В небытие уйду. В разгаре лета
На улице меня случайно встретишь
И не узнаешь бедного поэта.
Свой взгляд не остановишь, не заметишь.

Свою любовь, как вальдшнепа на тяге
Из двух стволов, нечищенных и злых
Ударю влет. На землю навзничь лягу,
Примяв ковер зеленый трав лесных.

Глаза, в которых отразится небо,
Мне выключают сороки, раскричав,
На целый мир, как сказку или небыль,
По сломанной любви свою печаль.

Мне отходную волки песнь провозют,
Оплачет лес, ветрами простонав.
Дожди мой остов добела отмоют,
Залижут языками влажных трав.

В лесной глуши их не найдет охотник,
Не потревожит дикий зверь лесной.
Зима оденет снегом мои кости,
Белейшей плотью, чистой и святой.

И, как-нибудь весной, утром ранним
Наступит Воскресение мое.
Разрыв-трава мои залечит раны,
Дурман трава подарит забытью.

Ручей, кровавый от зари весенней,
Вольется в жилы мне, застынет там.
Душа из облаков сойдет на землю,
И в плоть войдет под шум и птичий гам.

Две капельки росы в пустых глазницах
Вдруг оживит блеснувший солнца луч.
И звонким пением наполнят птицы
Дыханием расправленную грудь.

Воскресну, встану, в саван завернувшись,
И по миру, огромный и святой
Пойду, от тяжести веков согнувшись,
Искать любви с протянутой рукой.

Когда найду, гроза пройдет над миром,
Пронзит мне сердце молний светлый путь,
Сжигая плоть любви весенним пиром
И громом сердца наполняя грудь.

Одиночество

В одиночество плача, в обители грусти
Ты уходишь, надеясь испытать свои чувства.
И обратно взлетаешь, и порхаешь свободно,
Хохоча, кувыркаясь, резвясь беззаботно.

И улыбкою милой, что до слез насмешила,
Ты играешь, как будто покоривший вершину,
Очарованный странник, или ветер-скиталец,
Или маленький мальчик, отморозивший палец.

И ко мне ты приходишь, и меня увлекаешь,
И, как будто котенок со мной ты играешь,
Коготки свои пряча в своих лапках пушистых,
Разгоняет молчанье твой смех серебристый.

И, себя забывая, за тобой я бросаюсь,
И поймать птицу счастья руками пытаюсь.
Талым мартовским снегом в руках моих таешь,
Незаметною тенью от меня ускользаешь.

Ты уйдешь беспечально, я же крикну, отчаясь:
– Ты куда, моя чайка? Эхо скажет мне: – Чао!
Ветки елей, качаясь, измочалят молчанье,
И истают свечами мои сны и печали.

Белобока

В стае вороньей летают галки,
Голуби и грачи.
Только сорока своим товаркам
Вечно кричит.

Нет белых пятен в стае вороньей,
Как ни гляди,
Лучше сороку, лучше сороку
Ты погоди.

Пусть говорят: – ненастье приносит
С собой она.
А на одном боку солнца просвет,
А на другом – луна.

Ладони

В сумерках жизни и в красках заката
Путь мне укажут огни привокзальные.
Образом чистым храню в сердце свято
Хрупких ладоней движенья прощальные.

Отроком блудным к тебе возвращаясь,
Каюсь, вступая в места изначальные,
Холодом ясным на лбу ощущая,
Нежных ладоней движенья прощальные.

Как я гляжу в эти чудные очи,
Слушаю речи простые, печальные
И вспоминаю безумные ночи,
Мягких ладоней движенья прощальные.

Ветер осенний, холодный, нестриженный
Снова несет меня в странствия дальние.
И оглянусь я назад, и увижу
Милых ладоней движенья прощальные.

«В твоём характере нет ни одной...»

В твоём характере нет ни одной
Черты, которые хотел бы я исправить.
Так оставайся же всегда такой,
Какая есть! Я это буду славить.

Взгляни в глаза

Не спрошу у тебя: – Любишь ты, или нет;
Не замру, в ожиданьи услышать ответ.

К чему клятвы твои, обещанья твои,
Если в сердце твоём для меня нет любви.

Как измерить любовь, взвесить страсть на весах?
Как услышать себя? Лишь в чужих голосах.

Знай, что если не смог разбудить в себе пыл,
Я тебя никогда, никогда не любил.

Изреченную мысль мудрец ложью назвал.
Как любовь сохранить, в чистом виде, в словах?

В слово смысл я вложу, вложишь ты другой смысл,
И любовь упадёт птицей стреляной вниз.

Я не требую клятв, заверений твоих.
Ты в глаза мне взгляни – я пойму всё без них.

«Когда сижу в своем любимом кресле...»

Когда сижу в своем любимом кресле,
Напротив меня светится окно.
Как жаль, что от меня оно напротив!

Вор

Крик – грубый, грязный, сквернословный,
Гремит в вагоне, бьётся в двери: —
Вор! Проходимец! Жулик! – Словно
Рычанье из груди у зверя.
Парнишка, с милиционером
Стоит, затравленно взирая.
А, во главе с пенсионером,
Вагон на парня напирает.
Что он украл? Да, полно, полно —
Что красть? Продукты в сетке грязной?
Рубины? Жемчуга? Алмазы?
Иди сюда, друг оскорбленный.
Я сам отдам тебе, бедняжка,
С себя, последнюю рубашку.

«С легким шелестом платье скользнуло...»

С легким шелестом платье скользнуло
И разбитая хлопнула дверь.
По углам я расставил два стула.

Пророк

Все до конца, до срока
Идет своим путем.
И чести нет пророку
В Отечестве своем.

И голос, душу рвущий
Мне, и тебе, и всем;
В пустыне вопиющий,
Он нас зовет, зачем?

Зачем срывать нам путы,
Срывать зашторы с глаз?
Плюнь на него! – Он путник,
Прошедший мимо нас.

А мы в своем мирочке
Устало отдохнем
И доживем до точки,
Но снова не начнем.

И новых не откроем
Путей, миров и звезд;
И лишь землей прикроем,
Пустившееся в рост.

Зачем он травит душу
И сердце бередит?
Гони его, не слушай
И больше не гляди:

Как он уйдет устало,
Не поднимая глаз.
Ему так надо мало,
Но много больше нас.

«Скажи, о чем ты думаешь, когда...»

Скажи, о чем ты думаешь, когда
Под нами снег и талая вода?
Ты говоришь мне: – И идти боюсь,
И повернуть обратно не решусь.

«Говоришь: – Другого я любила...»

Говоришь: – Другого я любила
Сильно. Поплатилась в жизни всем.
Я боюсь вернуть всё то, что было,
Лучше ты оставь меня совсем.

Говоришь: – Меня и бросить можно,
Выбросить из сердца, но прости: —
От тебя уйти совсем несложно,
От себя, скажи, куда уйти?

Те слова твои мне сердце ранят,
Больно бьют, но, всё ж, уверен я,
Что не опозорит, не обманет,
Не предаст меня любовь моя.

Не тверди: – Испорчена, плоха я,
Сломлена в мучительной борьбе...
Соль не сыпь, пока ещё живая
Сердце рана взрезала тебе.

Не суди себя ты слишком строго,
На себя напрасно не греши.
Жизни нужно очень, очень много,
Чтоб закрыть один разлом души.

Будь со мною до конца ты честной.
Не гони, не говори: – Уйди!
Как уйти? Ведь разве с сердцем вместе
Вырву из моей тебя груди.

Мне доверься. Ясными глазами
Ты взгляни. Души почувствуй взлёт.
И тогда, спасительным бальзамом
На тебя моя любовь сойдёт.

«В то время как пишу я эти строки...»

В то время как пишу я эти строки,
И вижу каждый день тебя во сне;
По лужам скачут пестрые сороки,
Напоминая миру о весне.

Дельфины

Готовы за протянутый кусок
Рыбешки, кувыркаться в дельфинарии,
Сквозь стекла видя неба поясок,
И звучно распевая свои арии,

Дельфины, в услуженьи у людей,
В тюремной клетке мелкого бассейна —
Какой, из ада вышедший злодей
Их приручил для вашего веселья?

Готовы за кусочек танцевать
И прыгать, и мячи метать, и кольца,
Но, если б знала их морская мать,
Не стала бы рожать их для неволя.

И мы, подобно узникам тюрьмы,
Смирненно наблюдаем их работу.
Чем лучше их? Невольники все мы —
Идем покорной жизнью к эшафоту.

Дельфинарий «Рыба ждет»

Сальто вперед даю,
Мяч хвостом поддаю.
Весело плещут трибуны,
Забрызганные водой.
Рыба ждет...

Слышу свистящий звук,
Рассекающих воздух рук.
Это команда нам
Бить по воде хвостами.
Рыба ждет...

Мяч в плавниках несу,
Напарник несет на носу;
Не нужно мне лезть вперед,
Ему не надо спешить.
Рыба ждет...

Кольца по одному
Или по два подниму.
Это кольцо для напарника;
Нужно нам вместе прийти.
Рыба ждет...

Сигналы напарника мне
Команд человека ясней;
Я его понимаю,
Он делает, все как я.
Рыба ждет...

Я попадать стараюсь
В ритм его сонара;
Прыгаем по команде,
Точно, синхронно, вместе.
Рыба ждет...

На плавниках хвоста
Мы из воды вырастаем,
С переворотом в воду,
Каскад поднимаем брызг.

Дыхала – выдох, вдох,
Звуки – собачий вой
На звуковой волне,
Нам очень плохо слышной.
Рыба ждет...

Лежим неподвижно, сонно
В мутной воде загона;
Команды идут не нам,
Сегодня не нас с напарником
Рыба ждет.

Это другие двое
Прыгают, ловят, воют,
Носят мячи и кольца,
Слушают звуки команд.
Рыба ждет...

«В квадрат прямым путем не обратить окружность...»

В квадрат прямым путем не обратить окружность,
И сердце пополам никак не раздвоить.
Вот эту я жалею – ей жалости не нужно.
Вот эту я люблю – не нужно ей любви.

Лермонтовская

Демон здесь распростер перья крыл,
Мцыри с барсом застыли в борьбе.
Я цветов никому не дарил,
В первый раз дарю розы тебе.

Летний дождь видел, как я и ты
К пьедесталу поэта пришли.
И прекрасные эти цветы
Вместе с нами Москву обошли.

Поглотили нас двери метро
И укрыли от взглядов чужих.
Площадей и домов длинный строй,
Продолжает влюбленным служить.

Вырываясь из плена оков
Ощущаем свободу столиц.
А в Манеже Илья Глазунов
Нас встречает сиянием лиц.

Лица зрителей, образ картин,
Лики Вечной России манят.
Посреди освещенных витрин,
Не таясь, ты целуешь меня.

Белый столик в уютном бистро.
Голосов шум волнами реки.
Обнимаясь, едим, пьем сидро,
И креветки, как роз лепестки.

Гордый всадник, очнувшись на миг,
Под ладонью укроешь нас ты.
Нам чудесный ты город воздвиг,
И тебе отдаем мы цветы.

Колокольный колес перезвон
Над просторами тая, плывет.
Прижимает нас тесно вагон,
И, качаясь, в разлуку везет.

Этот путь лишь кусочек пути,
Что крылом осеняет любовь,
По которому вместе идти
Суждено нам отныне с тобой.

«Как срывающий с себя уздечки, шоры, путы, конь...»

Как срывающий с себя уздечки, шоры, путы, конь,
Я пишу тебе немерным, белым, призрачным стихом.
И, как в древней Византии зазвучали струны лир,
Ты услышишь музыкальный, нерифмованный верлибр.

Душа наизнанку

С души – оболочку тела
Сниму. Наизнанку выверну.
Хочу – чтоб улетела.
Хочу – чтобы покинула.

Обратно в себя войду,
Закрою входы и выходы,
И, ни одну звезду
Я не смогу уж выдумать.

На улице встречу душу
И отвернусь, не узнав —
Так оно будет лучше —
Без бреда, и сонных трав.

Себя целиком оболваню,
На чувства не дробя,
И будет одно желание —
Камень бросить в тебя.

Сжимаю камень. Круто
Дроблю железной рукой.
Люблю тебя самой лютой
Ненавистью людской.

«Промелькнула черной кошкой...»

Промелькнула черной кошкой,
Обернулась желтым львом.
Как на скользкой на дорожке,
Я упал с размаху лбом.

Заповедь мастера

Проинструктируй, допусти,
Следи, предупреждай.
Потом домой всех отведи,
Жене в постель подай.

А если кто-то по пути
Заглянет в «Ветерок»,
Начальник сразу, уж прости,
Заглянет в твой листок.

И на собранье отведи,
И на учебу всех
И хоть в дыму весь день сиди —
«Холодным» будет цех.

Давай объем работ и план
И смету составляй.
И что бы ты ни сделал, сам
Со всеми утверждай.

Тянули трубы и вели
С разметкой на «глазок».
Потом конструктора пришли,
Списали на листок.

И если через двадцать лет
Трубу прорвет «прострел»,
Ни у кого сомненья нет:
Кто здесь недосмотрел?

И призовут, и разберут,
За все тебе влетит.
И по рублишку соберут...
И сварка заблестит...

«Я бросаюсь в волну, головой проткну...»

Я бросаюсь в волну, головой проткну,
То взлетаю наверх, то в пучину тону,
То навстречу ветрам я с волнами борюсь,
Или снова, безвольный, волнам отдаюсь.

Шагни навстречу себе

Зачем же гложет нас тоска
Виденьями о близкой тризне?
Ведь смерть настолько к нам близка,
Что можно не бояться жизни.

И, принимая каждый день,
Его живи, благословляя
И ласку, и тоску, и лень.
Смысл жизни – истина простая.

Шагни навстречу сам себе
От скучных дел и серых буден.
Себя не погуби в борьбе,
А Бог простит и не осудит.

Порыв души не отвергай,
Пусть и пугающий, и страстный.
Пойми одно, что этот край,
Которым шли мы, неопасный.

И смело жизнь свою меняй,
Ведь сила жизни в переменах.
И то, что сделал, забывай —
Что сделано – уже не ценно.

Росток взошедший, про зерно
Не помнит, сам зеленый, ладный.
Перебродившее вино
Не помнит ягод виноградных.

Забудем мы ушедших голос,
Стираются черты лица,
Так пахаря не помнит колос,
А хлеб насущный наш, жнеца.

Оглядываясь в жизни редко
Средь повседневных дел своих,
Что помним мы о наших предках,
О муках и страданиях их?

Люби, грешни, кто нас осудит?
Кто первый бросит камень в цель?
Кто без греха – совсем не люди.
Лишь мертвый сраму не имел.

Скорбь

Зачем оставлены две каллы
В кувшине пышном и высоком?
И дни, что быстро протекали,
Закончились, вдруг, ненароком.

И после жизни – время смерти —
Пророчество в цветочном смысле...
И мне, хоть верьте, хоть не верьте,
На ум идут другие мысли.

В них – похороны наших свадеб,
Надежд и чаяний забвенье.
И скорбный путь в лучах лампадных
До искупленья, до прощенья.

Злой ветер

Злой ветер землепередела
Страну метлой свинцовой драл,
Птиц из насиженных пределов
Срывал и уносил, и гнал

В болота, в глушь, к деревням старым,
Где лес, как стража, окоём.
И перелётных уток пара
Спустилась в тихий водоём.

В чужом, заброшенном гнездовье
Родилась молодая жизнь,
И плотью налилась, и кровью,
И крылья пробовали высь.

Поля, леса, озёра, реки
Охота, рыба и грибы
Всё то, что нужно человеку
Родилось около избы

Но, как совковые лопаты
Хрущобы шли, стена к стене,
Людские волны угловато
Перемывая по стране.

И ветер перемен жестокий
Птенцов развеял из гнезда,
Погнал на целину и стройки,
Рассыпал всех по городам.

И в клетках нового гнездовья
Потомство у птенцов росло.
Но старых птиц гнездо родное
К себе манило и звало.

Забыты целина и стройки
И частный бизнес пальцы гнёт.
Свирепый ветер перестройки
Опять на части гнёзда рвёт.

Наш перелётный век не вечен
И, как осенние скворцы
Остались у пустых скворечен
Осиротевшие птенцы.

И веку наступает вечер,
И, жизнь раздавши по долгам,
По одному смертельный ветер
Нас гонит к милым берегам.

Мой брат, разлука так печальна,
Нам расставаться нелегко.
А ты, взмахнув крылом прощально,

Взмываешь в небо высоко.

Над смертью одержав победу,
Взлетев над суетой мирской,
Ты путь направишь свой по следу,
Протоптанному злой тоской.

Ты улетишь, наш мир оставив
И облетишь тот край кругом,
Где сырый дом наш смежил ставни
Над тихим Пыщерки холмом.

И, край заветный облетая,
Где встретятся все возраста,
Ты передай утиной стае:
Мы все вернёмся в те места,

Где, захлебнувшись от простора,
Устав глядеть на поплавки,
Уху над озером Пудоро
Едят другие рыбаки.

Играю

Играю словом.

Я попробовал его руками

Тронуть – острое, как бритва.

Другое – мягкое, как пух.

Горячее, холодное – как

Много ощущений.

Играю словом.

Я попробовал его на вкус

Лизнуть – а оно горькое, как перец,

Другое – сладкое, как мед.

Соленое, безвкусное – как

Много вкусов.

Играю словом.

Я понюхал его носом.

Чихнул – настолько запах плох.

Другое – нежное, с приятным ароматом,

Душистое, как яблоко – как

Много запахов.

Играю словом.

Я прислушался к нему;

Одно – звенит как сталь,

Другое чавкает противно.
Гармония и диссонанс – как
Много звуков.

Играю словом.
Я пишу его своей рукой.
Короткое и длинное роняю
Я на бумагу рядом,
Выстраиваю стройными рядами
И создаю стихи.

Играю женщиной.
Я для нее пишу стихи
И подаю, уложенные в строчки,
Немые и короткие признания,
Чтобы она прочла
И на меня взглянула.

Играю женщиной.
Прислушиваюсь к ней,
Ловлю звук плавной речи,
И цокот каблучков ее, и
Нежное шуршанье платья,
Когда подует ветер.

Играю женщиной,
Я запахи ее ловлю.
Душистый от косметики на расстоянии,
А ближе – острый запах пота,

И запах кухни от ее одежды,
Когда стоишь вплотную.

Играю женщиной.
Я подарил ей нежный поцелуй,
Слизнул с лица соленую слезинку.
Почувствовал, как губы сладко-нежно
Слегка меня коснулись.
И в поцелуе слился.

Играю женщиной.
Я обхватил ее руками,
И ощущаю встречное движение,
И руки, охватившие меня.
И к небесам я с нею возношусь,
Там, где навеки мы слились в объятьях.

Из Роберта Бернса

Я люблю, когда осень туманы наносит,
И совы ночные кричат.
Одинокие звуки печали, разлуки,
По ветру ночному летят.

Я люблю смотреть хмурым октябрьским утром
На голые ветки в окне.
Их ветер качает, их дождь умывает —
И дождь этот нравится мне.

Я люблю, наклоняясь, сидеть, улыбаясь,
Над уютным каминным огнём.
Я люблю, когда осень туманы наносит
Холодным октябрьским днём

Из Якова Хвыля (белорусский поэт)

Ах, соседочка – ровесница
По семнадцатой весне.
Ты так рано заневестилась,
Часто снишься мне во сне.

Вот берёт тебя за талию
И ведёт солдат на вальс.
Я готов с ним на баталию
Выходить хоть сей же час.

Только всё стою без пары я —
Шепчут мысли в тишине:
Отслужу, вернусь из армии —
Будет девушка и мне.

Отслужил, в красивой форме я
На гулянку, а на ней
Нет ни парня уж знакомого
Ни ровесницы моей.

Я другую взял за талию
И повёл в весёлый пляс.
Пусть кто хочет на баталию

Позовёт меня сейчас.

А девчонка так и светится...

И сказал бы парню я:

Брат ты мой, твоя ровесница

Не твоя уж, не твоя.

На судьбу свою не жалуйся,

Не горюй и не тужи.

Для тебя растёт красавица,

А пока что послужи!

К матери – Материк

Ты прости меня, мой стих печальный.
Нужно мне осмыслить и понять.
Неутешливо, невеличально,
Повесть о Татьяне излагать.
Я хочу, чтобы она глядела
Со своей небесной высоты
На немые, яркие цветы —
Те, что память на нее надела.

Не помогут ни мольбы, ни пени
Когда смерти срок приходит наш.
Я стою пред нею на коленях,
В сотый раз читая «Отче наш».
На подушке мраморного камня
Смуглые, усталые черты
Не покажут, как страдала ты
В эти дни, когда уходит память.

Кто мне веру в голову вложил
И молитве научил нехитрой?
Я всю жизнь безбожником прожил.
Бог принял меня – теперь мы квиты.
Не крещен по Твоему завету,
Но высоким духом просветлен,

Для чего я на земле рожден,
Если вновь не возрождаюсь к свету?

И хоть лба ни разу не крестил —
Исповедуюсь Тебе едино.
По твоим заветам, Боже, жил —
По заветам любящего сына.
Крест свой ощущая на спине
И металл холодный сквозь ладони...
Ты прости грехи мои бездонны,
Хлеб насущный даждь нам, Боже, днесь.

«Крест своей жизни чтоб нести —...»

Крест своей жизни чтоб нести —

Раскинь же руки врозь.

У нас, у каждого в груди —

Распятый спит Христос.

Недолюбив

Как все мешает мне, как душит тело.
И этой кофтой, и сорочкой, как броней
Покрыта я, бюстгальтера пределы
Не позволяют грудью встретиться с тобой.

Прижмись, любимый, обними за плечи,
Иль унеси меня отсюда на траву...
Сорви одежду, так мне станет легче;
Меня ты всю увидишь наяву.

Так плохо без тебя сейчас мне было.
Лишь ты вошел, я сердцем ожила.
Садись скорей со мною рядом, милый,
Прижми к себе, чтоб грусть моя ушла.

Глаза мои от слез уже просохли,
Теперь ничто не опечалит их.
Целуй меня, ласкай, мгновеньем вздоха
Пусть будет наше счастье на двоих.

А ты неловок, не поможешь мне:
Лишь обнимаешь, но не рвешь одежду.
Пойми, мне тяжело сейчас вдвойне:
Любить и на любовь хранить надежду.

А так себя мне хочется раскрыть.
А так тебя мне хочется увидеть.
А слову «жить» синоним есть – «любить».
Существовать – синоним «ненавидеть».

Недообняв, недолюбив, недоглядев,
Зачем же расставаться мы спешили?
Ведь никогда мы не простим себе
За то, что мы тогда не согрешили.

«Твои губы раскрылись, и слово...»

Твои губы раскрылись, и слово,
С них слетевшее, ветер унес.
Понял я, что тебя не услышу.

Круг одиночества

Как одиночества круг мне разрушить?
Как обрести мне свободную речь?
Как к небесам восходящую душу
От летаргии и сна уберечь?

Как обрести мне покой мироздания?
И, обращаясь к далеким мирам,
Как мне с тобой сократить расстоянье,
Поговорить мне с тобой по душам?

Я расскажу тебе все, что я знаю.
Я покажу тебе все, что смогу.
С мыслью одной о тебе оживаю,
Только к тебе я лечу и бегу.

«СТИХОВ МОИХ, ЧТО ДЛЯ ТЕБЯ СЛОЖИЛ...»

Стихов моих, что для тебя сложил,
И слов моих не хочешь – ты скажи.

Скажи: – Не можешь меня видеть – пусть!
Я тотчас же уйду, не оглянусь.

Но, наяву, или в ночном бреду,
Ты только позови меня – приду!

Кинозал

В кассе кинозала, пробравшись в изголовья,
Очереди, насаженной, как баран на вертел: —
Мне вырезку любви, и посочнее, с кровью,
И пару отбивных из человеческих тел.

На экране гниют, разлагаясь, трупы.
По экрану снуют, раздеваясь, женщины.
Груз бедняга несёт, надрываясь пупом.
Проститутка ждёт, что ей обещано.

Мест нет – нежности на свете,
Мест нет – истиной любви.
Зачем любить? – Монтекки с Копулетти
Можно превратить в кровавый боевик.

Кровь стаканами – на мостовую.
Кровь из стаканов – обратно – в нутро.
Каин – покаяйся – душу живую,
Не разбираясь, в помоев ведро.

Давай, пройдем мы мимо зазывалы.
Пусть всё огнём – для нас там места нет.
На полумрак интимный кинозалов
Не променяем жизни яркий свет.

«Не хочешь видеть – не увидишь...»

Не хочешь видеть – не увидишь.
Не хочешь слышать, в тишине,
Раздавишь слово, будто вишню,
Кровавым соком сбрызнув мне
На грудь. А, косточку под ноги,
Растопчешь, сплюнув – нет меня.
Не перейду тебе дороги,
Ни ночью, ни при свете дня.

Любовь к охоте

Как я только на пеньки
Не понатыкался,
Когда, по лесу, с тоски,
Как бездомный, шлялся?

Как я ёлкой и сосной
Лоб не бил с налёта,
Когда раннею весной
Уходил с охоты?

Как меня не подстрелил,
Друг, охотник шальный,
Когда я в кустах бродил,
Зверем одичалым?

Как в реке не утонул,
Когда, с лодки утлой,
Я дуплетом мазанул
Пару глупых уток?

Как в снегах я не пропал,
Зайцем побелевшим,
Когда, вдруг, в пургу попал,
Снег глотал летевший?

Как я выжил на огне
Бешеной охоты?
До сих пор всё это мне
Непонятно что – то.

Будто кто меня хранил.
Для чего – не знаю.
Знать, охоту я любил,
Без конца и краю.

Знать, ей душу отдавал,
А в ответ на это —
Никогда не уставал,
Ни зимой, ни летом.

Ты мне дала свою любовь

Ты предлагаешь дружбу мне – ну, что – ж,
Я принимаю всё, что ты даёшь.
И ненависть, с поклоном благодарности,
Приму. Она – твоя – нет лучше дара мне.

Приму слова, весёлые и грустные,
Приму упрёки, обвиненья вновь...
Когда свои мне все подаришь чувства —
Скажу: – Ты мне дала свою любовь!

Мелодия

Мелодия звучала в небесах,
До самых звезд пытаюсь долететь.
И звуков пальцы прикасались к нам
Холодным утром и горячим днем.

Кто эту музыку для нас играл,
И отдавал, неведомый никем?
Нам не дано узнать, да и зачем?
Лишь нужно с благодарностью принять.

Спальный вагон

Места семнадцатое и восемнадцатое.
Идя за мной, разобраться пытаешься —
Зачем два нижних взять не старался я
Взять на двоих, ведь внизу безопаснее.

Много комфортнее и интереснее —
Главное – видно друг друга отчетливо.
Можно касаться руками во сне своем.
Слать поцелуи воздушно-несчетные.

Дверь открывается плавно и весело:
Глядь – перед нами два места застеленных.
Место налево и справа – все по низу.
В этом двухместном купе все нам по сердцу.

Вот он – наш дом на ночном путешествии,
Двери закрыты и окна завешены.
Дверь охраняют ленивые стражники,
В домике этом не страшно ни капельки.

Вот мы вдвоем – ты идешь мне в объятия.
Здесь так тепло – так отбросим же платья мы.
Вдаль нас уносит на волнах сверкающих
Спальный вагон, над землей пролетающий.

Ночи не спать – эта ночь наша первая.
Выпьем до дна ее, выпьем до капельки.
Ты ведь моя половинка неспетая,
Я навсегда твой теперь, до покаянья.

До окончанья путей наших маетных,
До отпущенья грехов наших маленьких.

Суббота

Мне надо сидеть и работать,
Мне надо писать и читать.
Молю, как еврей о субботе,
Что руки отвяжет с креста

Молю о свободном мгновеньи,
Которое я упустил.
Молю, чтоб Господь с сотворенья
Мои все грехи отпустил.

Молю, чтоб в моем изголовье,
Присела ты, руки сложив,
И молча смотрела с любовью,
И в жилы вливала мне жизнь.

Но в мире разладилось что-то,
А что – не найти мне ответ.
И снова приходит суббота,
И снова мне времени нет.

Ключ

У искрящегося ключа,
Мы, минуточку улуча,
В термоса разливаем чай,
Ключ с собой беря невзначай.

Где вода чиста, как слеза,
На земных печальных глазах.

«Мне некуда тебя позвать...»

Мне некуда тебя позвать.
Своих пристанищ не имея
И, оттого, всегда робея,
С тобой встречаюсь я опять.

Открыты солнцу и ветрам
И пронизательному взору.
И сплетен гулкие повторы
Заковывают руки нам.

И негде ноги отрясти
От пыли липкой и холодной.
За то, что мы так несвободны,
Прошу тебя: – Прости, прости.

Мне некуда тебя ввести,
Плечом загородив от смуты.
За то, что мы так бесприютны,
Прошу тебя: – Прости, прости.

Глаза – озёра

Может быть, совсем случайно, заглянул в глаза твои
И увидел в них озера, и в них бросился с обрыва.
Ничего не понимаем мы и в жизни, и в любви.
Ну, а жизнь водой уходит через пальцы торопливо.

Задержи ее в ладонях, и глаза свои омой.
Посмотри на мир прекрасными, лучистыми глазами.
Из ладоней, как из ковшика, испей воды живой
И увидишь – мир прекрасен, если мы прекрасны сами.

Знаю, встретились друг с другом мы случайно может
быть.
На дороге жизни длинной неожиданно столкнувшись,
Ты позволь с твоих ладоней мне живой воды испить,
А из моих ладоней пей, пока сполна их не осушишь.

Мой милый брат

Мой милый брат, бессмертный Бог крылатый
К богам сегодня снова улетит
Всегда мы помним год тридцать девятый
Квадригой Марса он в веках звенит

Мой малый брат, в годину лихолетья
Ты храбро бился, утверждая – жить
И детских крыльев еле слышный ветер
Огонь смертельный помогал тушить

Мой юный брат, к труду и обороне
Всегда готов – докладывал стране
Быть лучшим и в ученье, и в погонах
В полёте мысли, слова глубине

Мой сильный брат, всегда в полёт стремился
Завидуя крылатым кораблям
Пусть в небеса, взмахнув крылом, не взвился
Но лёгкость шага слышала Земля

Мой добрый брат, крылатыми шагами
По трудной жизни весело ходил
На равных ты беседовал с богами
Людей же по-отечески любил

Мой щедрый брат, богатства не стяжая
Имея мало, много отдавал
Из малых зёрен много урожая
В пустыне нашей получить мечтал

Мой мудрый брат, плоды науки вечной
Дарил птенцам, слетающим с гнезда
Учил летать и верить бесконечно
Жить и любить, творить и побеждать

Небесный брат, над нами пролетая
Махни крылом из синей высоты
Пусть белый след, как облачко растает
Мы свято верим, рядом с нами ты

Мой славный брат, воссядешь одесную
У нашего Небесного Отца
Увидишь Маму, милую, родную
И встретишь нас привратником Творца

Глаза собачьи

Моим словам не веришь и вздыхаешь,
И говоришь: – За что меня любить?
Ведь ты меня совсем еще не знаешь.
И я не знаю, как нам дальше быть.

И зачарованно смотрю на светлый лик твой,
И хоть молчу, но в жилах бьется кровь.
А как глазами прочитатъ молитву?
А как словами выразить любовь?

Любимая, взгляни в глаза собачьи,
Читай в них преданность одной тебе.
Я не смогу себя переиначить.
Меня ты приручила. Я судьбе

Покорен. И с тех пор не вздохом,
Ни взглядом не ищи во мне ты злость.
Как верный пес, у ног твоих я сдохну,
Не взяв другой протянутую кость.

Одной служа в стремлении природном,
И лишь одну тебя всю жизнь любя,
В клочки я разорву кого угодно,
За каждый камень, брошенный в тебя.

Я верю, мое чувство не обманет,
Исчезнет грусть, и счастье к нам придет.
Моя любовь твоей любовью станет,
Твоя печаль пускай в меня уйдет.

Мы встретимся

Мы встретимся,
Мы обязательно встретимся!
Когда-нибудь
Мы встретиться сможем.
Засветятся,
Глаза твои улыбкой засветятся,
И радостью,
На небо похожей.
Бездонные,
Глаза твои, как небо бездонные
Возьмут меня,
И в небо взлечу я.
Бессонные,
Огнём объятые ночи бессонные
Летят, звеня.
И снова кричу я: —
Любимая! —
Тебе кричу я: – Любимая!
Тебя зову,
Ты слышишь меня?
Возьми меня,
В свои ладони возьми меня.
Я наяву
Явлюсь из огня.

Заветные,
Слова скажу я заветные.
Оглохнет мир
От этого чуда.
Ответные,
Слова ты скажешь ответные.
Так были мы,
Так есть и так будет!
И нет у нас
Другого решения,
И нет у нас другого пути.
Горением,
Двух ярких звёзд коротким горением,
Нам эту жизнь
Светить и идти!

Мы заново изобретём любовь

Я одержим искусством удивленья,
Полны открытий мысли мне нужны.
Я не терплю пустого повторенья,
Привычек рамки слишком уж тесны.

Отбрасываю вредные привычки,
Пустые мысли, скучные дела;
И даже не возьму себе приличных,
Чтобы привычной жизнь мне не была.

Пусть жизнь введёт в водоворот событий
Меня, и закалит в своём котле.
И, вдаль гонимый жаждою открытий,
Искать тебя я буду на земле.

К тебе губами, как к реке приникну,
Любимая, подруга и жена.
Так никогда к тебе и не привыкну,
Ты каждый день мне заново нужна.

И, каждый день, как новую планету,
Тебя я открываю, вновь и вновь.
Не назову тебя своей Джульеттой —
Мы заново изобретём любовь!

Сёстрам

Мы плоть от плоти и отец и мать,
У нас опора есть и есть надежда —
Краёв лесных и тишь, и благодать,
Родного дома ветхий облик нежный.

Не нужно нам обителёв иных
И райских кущ, где мёдом пахнут реки,
И тесный круг любимых лиц родных
Дороже нам всего, всего навеки.

Холодный зимний ветер ледяной
Нас не пугает, с ним мы всюду дома.
К судьбе не повернёмся мы спиной,
Нам тяжесть рук натруженных знакома.

Судьба нас разорвала, разнесла,
Развеяла по миру и по жизни,
Но не смогла у нас забрать тепла
И веры в счастье, правду и отчизну.

И слёзы на глазах, и счастья смех,
И труд, и отдых нам знакомы с детства.
Мы здесь собрались по призыву тех,
Кто в январе родился в том столетии.

Кто в яростный и непокорный век
Вложил сердца и руки без остатка —
По праву тот и будет человек,
По праву и в веках ему остаться.

Ах, сёстры, вы двойные колоски,
Разбросанные вдаль летящей бурей.
Мне не удастся удержать тоски
В январский вечер этот хмурый, хмурый.

Вы, милые сестрёночки мои —
Улыбки ваши лица освещают.
Терпенья, веры и большой любви
Сегодня и всегда я вам желаю!

Расставание

Мы разучились обращаться
Друг к другу жестами на «ты».
Рукой лица, волос касаться
Средь повседневной суеты.

Мы разучились улыбаться,
Когда друг друга видим вновь,
И научились притворяться,
И жалость видеть за любовь.

Мы разучились целоваться
На солнце и в тени гардин.
Мы разучились волноваться,
Когда останешься один.

Мы разучились обниматься,
Сливаясь вдруг наедине.
Мы разучились огорчаться —
Так пусто и тебе, и мне.

Мы разучились удивляться,
Смывает чувства с нас вода.
Мы разучились расставаться
И расстаемся навсегда.

Манеж абстракционистов

На манеже абстракционистов
Я гляжу на картины и лица.

В изваяньях оживших и мертвых,
В колорите полотен всекрасочных
Каждый сам себя воспроизводит.
Каждый сам по себе абстракция.

Отыщи на газетах измятых
С бутерброда живой отпечаток
Или две-три капли из соусника,
Как от крови ночной от простыни.

А на простынях пятен игрища,
А в камнях нетёсанных силища.
И картон изломан, как рубище,
Что на чреслах лежит обрубленных.

И в углу возникает пластика,
И танцуют худые, в тапочках.
Передать порыв – жест у мальчика.
Передать испуг – жест у лапочки.

И свингует оркестр разболтанный,

И лабаает, кому как нравится,
И стебают строкой нетесаной,
Кто поет иль просто забавится.

И, отвернутые от стены,
Лица к лицам обращены.
В них читают они одни,
Как сияют в душах огни.

Может, бродит здесь тень Дали,
Ищет, ищет свою Гали.

На память о Йошкар—Оле!

Ширь родной России, без конца и края,
Я объехал, обошёл и облетел.
Можно жить в Европе, Азии, Китае,
Но дышать вольнее здесь мне, в Мари-Эл.

Полной грудью воздух пью я, не пьянея.
Высь густых лесов и неба глубина,
И родных берёзок не сыскать белее,
И прекрасней лиц – прекрасная страна!

Я с высоких круч просторы Волги вижу.
Здесь земля трудом Российским расцвела.
Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было тебя, Йошкар-Ола!

Марии Аркадьевне в день шестнадцатилетия от Данте Алигьери!

На старте жизни, первой вехой,
Шестнадцать лет пришли к тебе;
А для родителей утехой

Послужит то, как ты в борьбе
С гранитом знаний и сомнений,
Свою покинешь колыбель.

И Шерлок Холмс, великий гений
Зовёт в туманный Альбион;
И тайны ядов и растений

Тревожат явь твою и сон;
Зовёт к себе окно в Европу
И Авиценновский канон.

Аэропорт: – Москва – Хитроу,
Огни земли, огни небес;
Ты первый, места нет второму,

Тебе на ухо шепчет бес.

Из дальней дали город новый
Встаёт, шумя, как в бурю лес.

Вблизи лепечет бор сосновый,
Река под горкою бежит;
Так Микеланджело с Кановой

Земли преобразали вид.
Вокруг, хватает глаз насколько,
Хлопочут люди, жизнь кипит.

Здесь всё твоё – проект, застройка —
Науки и искусства храм;
Здесь люди новые настолько,

Что и не ведалось Богам.
Нет места зависти, корысти —
Всё, что имеют – пополам.

Всё чисто – и слова и мысли,
Всё просто и доступно всем;
Век золотой, простой и чистый

Здесь люди проживают все,
Без слёз, без голода и страха,
И без мечты о колбасе.

Не стоит охать или ахать,
Иль слёзы лить по пустякам;

Ты жизнь свою пройди, как пахарь

Не стыдно ни себе, ни нам;
Считай, что мира Сотворенье
Ещё неведомо Богам.

Смелее в жизнь, в поток творенья,
В горнило страсти и Любви;
Пусть яркой вспышкой озаренья

Горит огонь в твоей крови.
Для блага мира и для славы,
Для человечества – живи!

В наш век, безумный и кровавый,
Где золото из земли крадут,
Найди такие в поле травы,

Что Панацею нам дадут —
Лекарство и больным и старым,
Телам и душам свой приют.

Ведь стали жизнь и смерть товаром,
Запчастью – сердце, за него
Убьют, в погоне за наваром,

Чтоб жизнь свою, на шаг всего
Продлить, пусть проигравший плачет,
Когда прервётся жизнь его.

Иди путём, который начат
Под стон рояля, скрипки плач;
Пойми, что конь удачи скачет,

Чтоб сбросить всадника удач;
И укротить его непросто.
Но, для решения задач,

Герои дня любого роста
Седлали буйного коня;
На нём скакали к дальним звёздам,

Блестя щитом, мечом звеня,
Узду стальной рукой сжимая,
Сквозь бурю снега и огня.

Глаза и сердце открывая,
Скачи, бесстрашна и горда,
Всю славу мира покоряя.

Я верю, пролетят года —
На ярком нашем небосклоне
Зажжётся и твоя звезда!

И Боги склонятся в поклоне
Пред яркой памятью твоей;
И станешь ты звездой в короне

Бессмертной памяти людей;
И обратят к тебе все взоры
В надежде, радости, беде.

Ты помни только: в беге скором,
В потоке дел, в растрате сил,
Жизнь наша лёгким метеором
Летит, стора я меж светил.

Надежде на сон сонет (акростих)

Неуходящая жизнь, неприходящая смерть;
Ангел, слетевший с небес, ангел, сошедший во мглу:
Дай нам очаг разложить, дай нам огнём догореть;
Если Господь наш воскрес, есть отторжение злу!
Ждать ли от жизни наград, ждать ли от смерти утрат;
Дивен твой промысел, Бог, даже отмерив нам срок;
Если надежда с тобой, если надежда уснёт.

Есть в нашей смерти покой, есть в нашей жизни полёт;
Дай нам от смерти зарок, дай нам для жизни глоток;
Жизни оконченный путь уж не проторишь назад.
Если мы вместе, сестра, ужас из жизни исчез;
Даже простившись навек, образ в душе удержи,
А от дождя пусть всплакнёт сырый у Пыщерки лес;
Неумолимая смерть, непобедимая жизнь!

«Наконец мы одни на земле опустелой...»

Наконец мы одни на земле опустелой.
Кроме нас, больше в мире не стало людей.
Сбрось одежду скорей. Расстегни ее смело.
Все, что прячет тебя, изорви и развей.

Дорогая, зачем мы боимся друг друга?
Ты стоишь, боязливо потупив глаза.
Я поднять не могу непослушные руки,
Чтоб тебя, обхватив, унести в небеса.

Посмотри мне в глаза. Дай мне силу и пламень.
Водопадом грохочущим сделай меня.
Я на плечи твои упаду ручейками
И тебя обласкаю, бурля и звеня.

Ты смущаешься, что ж, сам сниму я покровы,
Те, что прячут тебя от меня и любви;
Ты мне только шепни одно нежное слово,
Робким голосом тихо меня позови.

Три окна

Напротив три окна твои я вижу:
Одно из них мне закрывает липа,
Другие два – береза закрывает.

Зимою лучше видно сквозь березу,
Чьи ветки тонкие качает ветер;
Прозрачные и гибкие, как дождик.

А ветки лип зимой покрыты снегом,
Или одеты инеем блестящим.
И плохо видно через их преграду.

Чуть распушась, листочками, береза,
Твое окно от глаз моих закроет.
И свет в ночи слабее вижу я.

А липа не спешит листвой одеться,
Другое мне окно не закрывает,
И отдаляет призрак расставанья.

И летом окон мне твоих не видно.
От них лишь образ в сердце остается;
Сквозь листья свет струится золотой.

Когда осенний, злой подует ветер,
То золото листвы теряет липа,
И открывает золото надежды.

Но тонкая береза держит листья
До самого последнего дыхания,
И сильно отдаляет нашу встречу.

От нашей бабушки Али в день её 80-летия

Как все великие когда-то,
В апреле начинали путь;
Так я, в лихих годах тридцатых,

Пришла, не то, чтоб отдохнуть,
А, чтобы жизнь пройти по полной,
С пути не мысля и свернуть.

Суровой жизни злые волны
Все прокатились надо мной:
Разрухи, перестройки, войны —

Всего хватило мне с лихвой;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.